

Азбука
PREMIUM

К Н И Г И
АЙРИС МЕРДОК
в серии
«Азбука Premium»:

Черный принц
Море, море
Лучше не бывает

АЙРИС МЕРДОК

Лучше не бывает

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
М 52

Iris Murdoch
THE NICE AND THE GOOD
Copyright © Iris Murdoch, 1968
All rights reserved

Перевод с английского Елены Шварц
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

Мердок А.

М 52 Лучше не бывает : роман / Айрис Мердок ; пер. с англ. Е. Шварц. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 384 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-10364-1

Айрис Мердок — самая «английская» писательница XX века, выдающийся мастер тонкой психологии. Книги ее вошли в золотой фонд мировой литературы, удостоившись самых престижных литературных премий, в том числе Букеровской. Каждый ее роман — это своеобразный, замкнутый внутри себя мир, существующий по своим собственным законам, мир, одновременно логичный и причудливый, реалистичный — и в чем-то ирреальный. Действие романа «Лучше не бывает» начинается с загадочного самоубийства министерского чиновника в его кабинете. Служебное расследование, проводимое со всей тщательностью министерским юристом, переплетается с многофигурными любовными коллизиями, а завершается все самым неожиданным образом...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-10364-1

© Е. Шварц (наследник), перевод, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Супругам Сесил, Рейчел и Дэвиду

Не так уж часто главе департамента, спокойно работающему у себя в кабинете на Уайтхолле, доводится услышать близкий и не оставляющий сомнений в его происхождении звук — грохот револьверного выстрела.

В это мгновение ленивый толстяк по имени Октавиен Грей («совершенная сфера» — так называла его жена) медленно выводил аккуратным мелким почерком на белой служебной бумаге затейливую фразу, одновременно наслаждаясь приятным, наводящим сонливость послевкусием выпитого за ланчем отличного бургундского. И вдруг — выстрел.

Октавиен выпрямился, потом встал. Сомнений не было. Выстрел прогремел совсем рядом, в этом же здании. Он ни с чем не спутал бы этот звук, хотя последний раз слышал его много лет назад в бытность свою солдатом. Его тело помнило этот грохот и напряглось в уже забытом ощущении противостояния ужасному и неизвестному.

Октавиен подошел к двери. Только отдаленный шум лондонских улиц нарушал тишину теплого, душного коридора. Он хотел крикнуть: «Что там? Что случилось?» — и не смог.

Он вернулся в кабинет и чисто инстинктивно направился к телефону — нити, связывавшей его с миром. Но тут же услышал — по коридору кто-то бежит.

— Сэр, сэр, случилась ужасная вещь!

В дверях стоял рыжий голубоглазый конторский курьер Макграт, губы розовели на побелевшем лице; его была дрожь.

— Убирайся. — Ричард Биран, один из подчиненных Октавиена, оттолкнув Макграта, вошел и закрыл за собой дверь.

— Ради бога, что это все значит? — спросил Октавиен.

Биран остался стоять, прислонившись к двери. Некоторое время он не мог отдышаться, а потом произнес, как всегда четко, своим высоким голосом:

— Послушайте, Октавиен, в это трудно поверить, но Рэдичи только что застрелился.

— Рэдичи? Силы небесные! Он мертв?

— Да.

Октавиен сел. Поправил белый лист на красной папке. Перечитал неоконченное предложение. Потом снова встал.

— Пойду... взгляну на него. — Он направился к двери, которую Биран распахнул перед ним.

— Полагаю, надо вызвать Скотленд-Ярд.

— Я уже взял на себя смелость сделать это.

Комната Рэдичи была этажом ниже. У закрытой двери собралась небольшая толпа. Безвольно опустив руки и открыв рты, люди внимали Макграту.

— Уходите отсюда, — сказал Октавиен. Они молча смотрели на него. — Возвращайтесь на свои места, — сказал он. Толпа стала медленно расходиться. — И вы тоже, — обратился он к Макграту.

Биран открыл дверь. Переступив порог, Октавиен увидел, что голова Рэдичи лежит щекой на столе. Зайдя в кабинет, Биран запер дверь, но после минутного размышления снова отпер.

Покрытая красноватым загаром складка на шее Рэдичи наползла на белый крахмальный воротничок. Первое, о чем подумал Октавиен, — открыты ли у него глаза, но, чтобы это узнать, надо было нагнуться и заглянуть в лицо. Левая рука свисала почти до пола. Правая лежала рядом с оружием — старым армейским револьвером. Октавиен почувствовал, что нужно срочно взять себя в руки, сделать несколько медленных вдохов, собраться и вспомнить, кто он, собственно, такой. Ему доводилось видеть много мертвых тел, но лет-

ним днем на Уайтхолле, с этой наползающей на твердый воротничок складкой шеи, еще никогда.

Октавиен быстро напомнил себе, что он — начальствующее лицо, его долг — сохранять спокойствие и принимать решения.

— Кто его нашел? — спросил он Бирана.

— Я как раз проходил мимо двери, когда услышал выстрел.

— Полагаю, нет сомнений в том, что он мертв? — вопрос звучал зловеще и почти неприлично.

Биран ответил:

— Вне всякого сомнения. Взгляните на рану.

Октавиен подошел ближе. Обогнув стол с того боку, куда смотрел затылок Рэдичи, и перегнувшись через спинку стула, он увидел круглую дырку чуть правее небольшой ямки у основания головы. Довольно широкое темное отверстие с почерневшими краями. Немного крови из нее, не очень много, натекло за воротник.

— Очевидно, он выстрелил себе в рот, — сказал Биран, — пуля прошла насквозь.

Октавиен отметил аккуратную линию недавно подстриженных седых волос на теплой, беззащитной шее. Ему вдруг захотелось дотронуться до нее, прикоснуться к его пиджаку — осторожно, из любопытства, пощупать ткань. Перед ним было собрание не связанных уже между собой частей тела только что жившего человека, одежда, плоть. Наводящая ужас тайна отнятой жизни, внезапный распад живого человека на части, куски мертвой материи. У Рэдичи редко что получалось как следует, но тут он не подкачал.

Октавиен никогда не испытывал особой симпатии к Рэдичи. Он даже не слишком близко его знал. Рэдичи являл собой тип эксцентрика, какие всегда находятся в любом государственном учреждении. Обычно обладая высоким уровнем интеллекта, будучи подчас блестяще одаренными, они обнаруживают некую неправильность в оценках и суждениях и редко поднимаются по служебной лестнице выше начальника отдела. Считалось, что Рэдичи «слегка не

в себе». Однако он был вполне доволен жизнью. Интересы его были широки. Он постоянно просил отгулы. Октавиен припомнил, что в последний раз он желал расследовать какой-то случай полтергейста.

— Он оставил записку?

— Во всяком случае, я не нашел, — сказал Биран.

— Совершенно не в его духе! — заметил Октавиен. —

Рэдичи всегда неумоимо составлял подробнейшие отчеты. Думаю, сейчас приедет полиция и останется на весь день, и надо же — я как раз собирался уехать на выходные. — Почувствовав, что его голос вновь обрел глубину, он понял, что самое страшное позади. Теперь снова можно было стать холодным, деловым, в меру шутливым.

— Если хотите, я возьму их на себя, — сказал Биран. — Они, вероятно, будут фотографировать и все такое. Не забыть сказать им, что я притрагивался к револьверу. Я отодвинул его, чтобы заглянуть в лицо. Они найдут на нем отпечатки моих пальцев!

— Спасибо, но, думаю, мне лучше самому остаться. Бедняга, почему он это сделал?

— Не знаю.

— Он был обаятельным чудаком. Интересовался дүхами и привидениями.

— Не знаю, — повторил Биран.

— А может... Ну конечно, помните жуткую историю с его женой? Мне говорили, что он так и не оправился после ее смерти. Он стал, я заметил, впадать в депрессию... Вы помните этот ужасный случай в прошлом году?..

— Да, — сказал Биран. Он засмеялся коротким, напоминающим взвизгивание животного смехом. — Как это похоже на Рэдичи с его чертовски дурным вкусом — прийти на работу и застрелиться!

— Кейт, дорогая. — Октавиен звонил в Дорсет жене.

— Привет, милый. Как дела?

— У меня все хорошо, — сказал Октавиен, — но на работе случилась неприятность, так что я приеду только утром.

— Как же так, дорогой? Ведь Барби приезжает нынче вечером! — Четырнадцатилетняя Барбара была их единственным ребенком.

— Я знаю, это ужасно досадно, но ничего не поделаешь. Здесь сейчас полиция и вообще полный кавардак.

— Полиция? Что случилось? Что-нибудь ужасное?

— И да и нет, — сказал Октавиен. — Один человек застрелился.

— Господи! Кто-нибудь из знакомых?

— Нет, не волнуйся. Ты его не знаешь.

— Ну и то слава богу. Мне так тебя жаль, бедный ты мой. Барбара так расстроится, что тебя не будет сегодня.

— Знаю. Но завтра я появлюсь. У вас там все в порядке? Как мой гарем?

— Твой гарем ждет не дождется тебя!

— Рад слышать. Целую тебя, любимая, я еще позвоню вечером.

— Октавиен, ты ведь захватишь Дьюкейна?

— Конечно, он все равно не мог приехать раньше завтрашнего утра, я захвачу его.

— Прекрасно. Вилли жаждет увидеть его.

Октавиен улыбнулся:

— Это ты жаждешь увидеть его, правда, милая?

— Ну конечно, я хочу его увидеть! Он совершенно незаменимый человек.

— Ты получишь его, дорогая. Ты получишь все, что пожелаешь.

— Ты чу-удо!

2

— Все камни надо вынести в сад, — сказала Мэри Клоудир.

— Почему? — спросил Эдвард.

— Потому что камням место в саду.

— Почему? — спросила Генриетта.

Близнецам, Эдварду и Генриетте, было девять лет. Оба долговязые, белобрысые, оба с красивой волнистой копной волос — они были удивительно похожи.

— Это ведь не окаменелости. В них нет ничего особенного.

— Каждый камень — особенный, — сказал Эдвард.

— В метафизическом смысле это абсолютно верно. — Теодор Грей явился на кухню в своем старом халате в темно-коричневую клеточку.

— Метафизика и порядок в доме — вещи разные, — сказала Мэри.

— Где Пирс? — обратился Теодор к близнецам. Пирс был сыном Мэри Клоудир, ему исполнилось пятнадцать.

— Наверху, у Барби в комнате. Он украшает ее ракушками. Притащил туда целую тонну.

— О боже! — воскликнула Мэри.

Дом постепенно превращался в пляж. У детей в комнатах под ногами шуршал песок, хрустела галька и раздавленные ракушки, а также высохшие останки разнообразной морской флоры и фауны.

— Если Пирсу можно носить в дом ракушки, то, значит, мы можем держать в комнате камни, — рассудила Генриетта.

— Никто не разрешал Пирсу приносить ракушки, — сказала Мэри.

— Но никто ему и не запрещал, верно? — вставил Эдвард.

— Если бы я так отвечала старшим, когда была в вашем возрасте, меня бы отшлепали, — вмешалась экономка Мэри Кейзи. Все в доме звали ее по фамилии — Кейзи, чтобы не путать с Мэри Клоудир. Это звучало как кличка.

— Справедливо, но неприменимо, мог бы ответить Эдвард, — заметил Теодор. — И если вас не затруднит, я хотел бы выпить чашку чая. Чувствую себя не блестяще.

— Бедняжка Кейзи, вот не повезло ей! — сказал Эдвард.

— Я его не останавливаю, — сказала Мэри, — во-первых, потому, что останавливать его уже поздно, а во-вторых,

потому, что не каждый день Барбара возвращается домой. — В споре с близнецами всегда выручала логика.

Барбара Грей не была дома с Рождества. Она заканчивала учебу в Швейцарии. В пасхальные каникулы она каталась с родителями на лыжах... Супруги Грей были страстными путешественниками.

— Некоторые могут себе позволить, — пробурчала Кейзи, вложив в свою реплику туманный намек на разницу в их социальном положении. Она часто отпускала неопределенные, но веские замечания.

— Кейзи, можно нам взять эти куриные лапы? — спросила Генриетта.

— Как тут поддерживать чистоту на кухне, когда дети роются в мусорных ведрах, будто голодные коты...

— Пожалуйста, не надо выгребать оттуда все, Генриетта! — закричала Мэри. Вместе с куриными лапами вывалилась мешанина из скомканной бумаги, кофейных зерен, вялых листьев салата и человеческих волос.

— Меня тут ни во что не ставят, — сказала Кейзи. — Моя жизнь здесь не имеет смысла...

— Всякая жизнь не имеет смысла, — изрек Теодор.

— Вы считаете, я вам не ровня...

— Вы нам не ровня, — сказал Теодор, — не принесете ли вы мне чашку чая, будьте добры.

— Заткнитесь, Тео, — сказала Мэри. — Не выводите Кейзи из себя. Вот ваш чай, на подносе.

— Лимонный кекс. Мм. Прекрасно.

— Вы говорили, что неважно себя чувствуете, — сказала Кейзи.

— Просто желчь разлилась. Где Минго?

Минго — крупный лохматый серый пес, явно имевший в числе предков пуделя, — всегда находился у ног Теодора, когда тот завтракал или пил чай в постели. Кейт и Октавиену это давало неистощимый повод для шуток об отношениях между Теодором и Минго.

— Сейчас приведем его, дядя Тео! — закричал Эдвард.

После короткой возни Минго был извлечен из-за чугуновой печки, которая продолжала занимать бóльшую часть кухни возле плиты, хотя на ней уже давно не стряпали и топить ее было неэкономно. Теодор, взяв поднос, начал подниматься по лестнице впереди близнецов, которые, исполняя придуманные ими самими ритуалы, тащили пса, при этом его глупая, улыбающаяся морда торчала из-под локтя Эдварда, мохнатые лапы волочились по полу, а толстый, как колбаса, хвост вилял, то и дело задирая пестрый подол Генриеттинового платяца.

Теодор, старший брат Октавиена, по характеру — ипохондрик, ничем теперь не занимавшийся, служил когда-то инженером в Дели. Все знали, что он был вынужден покинуть Индию из-за какой-то таинственной истории, но в чем заключалась эта тайна, никто не знал. Никто не знал также, любит ли он на самом деле своего брата, нескрываемое презрение к которому он демонстрировал, но окружающие старались, по общему согласию, не замечать этого. Он был высоким, худым, наполовину облысевшим и поседевшим человеком с выпуклым лбом, изборожденным иероглифами морщин, и пронзительным взглядом умных задумчивых глаз.

— Пола, тебе обязательно читать за столом? — спросила Мэри.

Пола Биран, мать близнецов, была поглощена книгой. Воспитание своих детей она полностью доверила Мэри и в подобные моменты казалась едва ли не их ровесницей. Пола развелась с Ричардом Бираном больше двух лет назад. У самой Мэри за спиной были многие годы вдовства.

— Извини, — сказала Пола, закрывая своего Лукреция. Она преподавала в местной школе греческий и латынь.

Мэри придавала большое значение их совместным трапезам. Это было время общения, ритуального, почти духовного единения. Человеческая речь и соприсутствие залечивали те раны и царапины, от которых одна только Мэри, с ее обостренной и неустанной чувствительностью, страдала, стараясь восстановить гармонию, к которой тоже только

она одна и стремилась. В эти минуты Мэри обладала никем не оспариваемой властью. И если экономка воплощала собой коллективное бессознательное, то Мэри — коллективный разум. Повторяемость завтрака, обеда, чая и ужина вносила элементы порядка в ситуацию, которая, по ощущению Мэри, всегда балансировала на грани может быть и приятной, но неотвратимой анархии.

Сквозь большие, увенчанные причудливыми викторианскими башенками окна, сквозь их чугунный переплет светило горячее солнце, отбрасывая зеленоватые тени от кустиков жимолости с одной стороны и вистарии — с другой. Оно сделало заметными пятна на клетчатой красно-белой скатерти, хлебные крошки, кофейные зерна и человеческие волосы на плитках пола. Близнецы уже закончили пить чай, Тео унес свой в спальню, Пирс еще не спускался, Кейт, как обычно, запаздывала; Мэри, Пола и Кейзи чаевничали втроем.

— Она опять заимела новую машину, — сказала Кейзи.

— Я бы просила вас называть имена тех, о ком вы говорите, а не называть всех «она».

— Моя сестра.

Большую часть жизни Кейзи пожрала забота о захвовавшей матери, которую она, впрочем, иначе как «старая сука» не называла, и она была не в состоянии простить сестру, избегнувшую той же участи и нашедшую богатого мужа. Краснолицая, с головой в кудряшках, плотная Кейзи часто вдруг принималась рыдать у телевизора, когда там показывали что-нибудь печальное, вызывая у Мэри деятельное и взволнованное сострадание.

— Какой марки? — спросила Пола. Она все еще была мыслями вся в Лукреции, прикидывая, не будет ли для школьников на экзамене слишком труден отрывок из него.

— «Триумф» или что-то в этом духе. Некоторым такие нравятся. Поездки на Коста-Брава и все такое.

— А мы сегодня опять видели ту же самую летающую тарелку, — объявила Генриетта, вернувшись с Монрозом,

котом Барбары. Близнецы часто делали подобное утверждение.

— Серьезно? — спросила Мэри. — Генриетта, пожалуйста, не надо ставить Монроза на стол.

Монроз был крупным, кофейного цвета, полосатым животным с золотистыми глазами, совершенно квадратным туловищем, с прямыми ногами, чья упорная глубокая погруженность в себя постоянно возбуждала между детьми яростные споры относительно его умственных способностей. Они постоянно предпринимали проверку интеллекта Монроза, но к окончательным выводам так и не пришли, поскольку близнецы были склонны считать, что взаимодействие с человеческой расой не является признаком большого ума. У Монроза был один несомненный талант — он мог простым волевым усилием заставить свою прилизанную шерстку вдруг встопорщиться, так что из гладкого полосатого куба всегда мог превратиться по желанию в пушистый шар. Дети говорили: «Монроз превращается в птичку».

— Только не спрашивайте меня, откуда у них деньги, — сказала Кейзи, — а то сделаетесь социалисткой.

— Но вы ведь социалистка, Кейзи, — сказала Мэри. Они все, конечно, придерживались социалистических убеждений. Но только Кейзи открыто заявляла об этом.

— Я и не отрекаюсь, я только хотела сказать, что этого было бы достаточно, чтобы и вы стали ею.

— А вы знаете, какая птица самая большая на свете? — спросил Эдвард, проталкиваясь между Мэри и своей сестрой.

— Нет. Какая?

— Казуар. Он ест папуасов. Он их убивает своими ногами.

— А я думаю, кондор еще больше, — заметила Генриетта.

— Это зависит от того, что ты берешь во внимание — размах крыльев или вес, — рассудил Эдвард.

— А про альбатроса забыли? — спросила Пола. Она уже была готова вступить с детьми в серьезную полемику, неизменно относясь к ним как к взрослым разумным людям.

— Размах крыльев у него больше, — сказал Эдвард, — но тело меньше. Знаете, какую большую грудную кость нам пришлось бы иметь, если бы мы могли летать? Мэри, знаете, какая была бы нам нужна здоровая грудная кость, если бы мы захотели летать?

— Я не знаю, — сказала Мэри. — Какая?

— Четырнадцать футов шириной.

— Правда? Только представить!

— Что касается кондора... — начала Пола.

— Осторожней, Генриетта, — сказала Мэри Генриетте, пытавшейся стукнуть брата по лицу лапой Монроза.

— Спокойно, когти не выпущены, — ответила Генриетта.

— На его месте я бы их выпустила, — заметила Кейзи. — Когда я была в твоём возрасте, нас учили, что нельзя мучить животных.

— Нужно что-то решать с камнями, — сказала Мэри. — Мы все время спотыкаемся о них. Не можете вы отобрать те, которые вам особенно дороги, а остальные вынести во двор?

Идея сортировки камней сразу же захватила близнецов. Они бросили кота, усевшись на полу возле кучи камней, и принялись спорить о достоинстве каждого из них.

— Тео навещал Вилли? — спросила Пола.

— Нет, я предложила ему, но он только рассмеялся и сказал, что он не сторож Вилли.

Вилли Кост был ученым, эмигрантом, он жил в поместье Октавиена, в бунгало под названием «Трескомб-коттедж» — чуть выше в гору от Трескомб-хауса. Вилли страдал от меланхолии, что очень беспокоило экономку.

— Я думаю, они опять поссорились. Они прямо как дети. Ты к нему заходила?

— Нет, — сказала Мэри. — У меня не было ни минуты. Я послала Пирса, и он сказал, что с Вилли все в порядке. А ты?

— Нет, — сказала Пола. — Я тоже была занята весь день.

Мэри почувствовала облегчение. Ей казалось, что она персонально отвечает за Вилли Коста, как будто он был ее собственностью; считалось, что именно она всегда должна знать, что с ним происходит. Ей надо будет зайти к нему завтра.

— Хорошо, что Дьюкейн приезжает, — сказала Пола, — он благотворно влияет на Вилли.

— Дьюкейн приезжает? — спросила Мэри. — Я бы хотела, чтобы меня хоть иногда ставили в известность хоть о чем-то!

— Я думаю, вы отдаете себе отчет, что комната еще не готова? — сказала Кейзи.

— Просто Кейт думала, что это настолько обычно, что и говорить не о чем.

Джон Дьюкейн, друг и коллега Октавиена, часто приезжал к ним на выходные.

— Кейзи, вы ведь будете так любезны и уберете комнату после чая?

— Конечно, я уберу, выберу минутку. Раз вы считаете, что это нужно сделать, я сделаю.

В это мгновение в кухню вошла Кейт Грей, за ней по пятам следовал Минго. И сразу же будто пронзительный звездный луч просиял над комнатой и собрал воедино все разъединенное до этого момента вокруг центра — Кейт. Мэри, как бы пронзенная этим силовым лучом, видела, как улыбнулось умное, смахивавшее на собачью мордочку лицо Пола, и почувствовала, как ее собственное лицо поворачивается навстречу и улыбается, а волосы откидываются назад. Минго лаял. Монроз прыгнул на стол. Кейзи добавила кипятку в чайник, близнецы, разрушив тщательно выстроенные ими же ряды камней, защебетали, стараясь ухватить коричневыми от песка руками пояс полосатого платья Кейт.

Круглое яркое лицо Кейт светилось в путанице ее золотых волос, всем уделяя частицу своего блеска. С ее появлением стали особенно заметны миниатюрность, ухоженность

и аккуратность двух других дам — Мэри, с ее прической, забранной в узел, похожей на викторианскую гувернантку, и Пола — с остреньким личиком и коротко подстриженными каштановыми волосами. Кейт, сама неопределимая по природе, всем своим существом — шумом, жаром, светом — выгодно подчеркивала индивидуальность и неповторимость других. Кейт слегка заикалась, в ее речи слышался легкий ирландский акцент.

— Октавиен не приедет сегодня.

— О, дорогая, — сказала Мэри, — ради Барби он должен бы приехать.

— Да, но увы. Что-то случилось у него на работе.

— Что случилось?

— Какой-то парень застрелился.

— Господи боже, — воскликнула Пола, — застрелился — прямо на работе, ты хочешь сказать?

— Да. Это ужасно.

— Кто он? — спросила Пола.

— Не знаю.

— Как его звали?

— Не сообразила спросить. Кто-то, кого мы не знаем.

— Бедный парень, — сказала Пола. — Мне бы хотелось все же знать, как его звали.

— Зачем? — спросил Эдвард, экспериментировавший с сухожилием цыплячьей ножки.

— Легче представить кого-то, если ты знаешь его имя.

— Почему? — спросила Генриетта, рассекая другую ножку кухонным ножом.

— Это хороший вопрос, — ответила Пола. — Платон говорит, что мы можем *представить* нечто, и тогда оно становится достижимым для нашей мысли, как бы далеко от нас ни находилось.

— Ты права, что подумала о нем, — сказала Кейт. — Как ты права! Ты меня пристыдила. Я чувствую угрызения совести, ведь я думала только об Октавиене и Барбаре.

— Почему он убил себя?

— Пойду приберу комнату Дьюкейна, — сказала Мэри, обращаясь к Кейзи.

— Нет, это не ваша обязанность, — сказала Кейзи.

Они поднялись и вышли из кухни.

Ленивое солнце, чей уходящий свет уже скользил по фронтому дома, бросало длинные прямоугольные дрожащие золотые пятна на выцветшие в цветочек обои большого, выложенного плиткой холла, служившего по выходным столовой. Входная дверь была широко распахнута, позволяя слышать далекую кукушку, а над заросшим травой гравием дороги, над подстриженной покатою лужайкой и высокой, цвета малины со сливками изгородью спиреи вздымалось море — серебристо-голубое, слишком нежное и прозрачное, чтобы его отлив можно было назвать металлическим. Скорее оно напоминало плотную серебряную бумагу, прихотливо поднимаясь и опускаясь под белесым голубоватым блеском зрелого лета. И пыльное золото солнца, и эфирная прозрачность моря говорили о наступающем вечере. Обе женщины поднимались по белой лестнице: Кейзи — тяжело и неловко, Мэри — стремительно; на самом верху они заспорили о чем-то. Мэри послала Кейзи в свободную комнатку, а сама направилась к комнате Барбары.

Мэри Клоудир и ее сын Пирс уже почти четыре года жили в Трескомбе. Отец Мэри, придавленный жизнью человек, был младшим клерком в страховой компании; он и нежная, слабая мать Мэри умерли одновременно от воспаления легких, оставив свое единственное дитя, тогда девяти лет от роду, на попечение пожилой и нуждающейся тетки. Но Мэри все же с помощью стипендии удалось успешно закончить учебу, во время которой она и встретила Кейт. Кейт восхищалась Мэри и почти инстинктивно заботилась о ней. Они стали верными подругами. Гораздо позднее, когда Мэри оказалась бездомной бедной вдовой в самом низу социальной лестницы, Кейт предложила ей переехать и пожить у них. Мэри после многих сомнений

решила попробовать. И она осталась. Кейт и Октавиен наслаждались благополучием и глубоким чувством превосходства благодаря своему высокому общественному статусу. Мэри, будучи обездоленной, иногда впадая в романтизм, называла себя изгоем, хотя в то же время она ценила те преимущества, которыми обладали ее друзья, и готова была пользоваться их поддержкой. Но, разумеется, она не приняла бы их милосердия, если бы они оба не обладали в полной мере природной добротой; это свойство находило даже физическое выражение в их округлости — в крупной круглой и лысой голове Октавиена, с ее шелковой золотистой тонзурой, в пухлом лице Кейт, в пушистом шаре ее мягких русых волос. Им обоим свойственно было беззаботное великодушие, правда, что-то в них наводило на мысль о необычных грешниках, которые чудесным образом решили стать праведными. Их брак был счастливым, и они оба прилагали все усилия к тому, чтобы все вокруг тоже были счастливы. Мысль о том, что она сама в высшей степени нужна им, не волновала Мэри. Она вела дом, она следила за детьми, она всегда оказывалась там, где нуждались в ее помощи. Но она знала, что их благодеяния неизмеримо больше.

Присутствие с недавнего времени в доме Пола с ее лисей мордочкой поначалу смущало Мэри. Пола была ее подругой по колледжу, с Кейт она познакомилась, приехав после своего развода погостить у подруги. «Все готовы приютить разведенную женщину», — говорила Пола. Мэри пригласила ее, и Кейт была очарована ею. Кейт предложила Поле остаться с ними на неопределенное время. Октавиен придумал шутку насчет гарема, и дело было решено. Пола была старшей и почитаемой подругой студенческих лет. Мэри опасалась, что в постоянном общении Пола может стать непереносимой, и, кроме того, она боялась, что начнет ревновать. Пола была бескомпромиссной особой, порой Мэри казалось, что ее можно упрекнуть в бессознательной склонности к ханжеству. Сила и ясность всего ее

существа, педантичная аккуратность и правдивость как будто бы уличали посредственность и беспорядочность Мэри, которые она сама считала своими врожденными недостатками. Твердое, ледяное достоинство было присуще Поле, развод не изменил ее — что послужило его причиной, Мэри было неизвестно, однако все знали, что Ричард Биран не пропускает ни одной юбки. Само собой разумеется, и даже чересчур очевидно, что Кейт и Пола «обожали» Мэри. Мэри, с ее нервной ясностью сознания, предчувствовала, что они потянутся друг к другу, и в первые месяцы пребывания Пола в доме чувствовала порой острые приступы неприязни. Но в конце концов холодность и отстраненность Пола, ее подчеркнутая добродетель успокоили нервы Мэри и даже давали ей энергию, в которой она нуждалась, чтобы видеть вещи такими, каковы они на самом деле. Вскоре она пришла к выводу, что бояться нечего. Взаимная симпатия Кейт и Пола не представляла для нее опасности. От нее ничего не таили, не строили козней. Примирившись с этим, она даже стала испытывать особое удовольствие от их существования втроем, от которого зависели и другие.

Квартет детей тоже хорошо спелся. Все они теперь ходили в школу. Пирс — в Брайнстон, близнецы — в Бидейлз, а Барбара — в La Résidence в Швейцарии. Их присутствие, их отсутствие зависели от дней недели, и это делало существование Мэри, благодаря меняющейся атмосфере, чередующимся, как клетки шахматной доски. Когда дети уезжали, Кейт нередко проводила часть недели в лондонском доме Греев. Но чаще она улетала куда-нибудь вместе с Октавиеном, знавшим расписание самолетов, как другие — поездов. Их приезд на выходные изменял все в доме, принося в него тайну супружества. Его узы Кейт и Октавиен несли с энтузиазмом и очарованием, как некую царственность. Пола и Мэри тогда сразу превращались в женщин без мужчин. Они смеялись шуткам Октавиена насчет гарема, и по ночам сквозь толстые стены до них доносилось

бесконечное, текущее как река, перешептывание супругов. Когда дети приезжали в конце недели, в доме становилось веселее, в нем исчезала отчужденность и появлялась анархия. Но и детей изменила новая ситуация: Барбара внезапно стала «общим ребенком», ее положение стало привилегированным, особым, а в чем-то переменялось к худшему, другие же дети принимали это как должное, не задумываясь. Присутствие мужчин — Октавиена и позднее Джона Дьюкейна (дядю Тео мужчиной почему-то никто не считал) — заставляло детей быть если не более дисциплинированными, то, во всяком случае, более сознательными и последовательными.

В целом Мэри Клоудир была вполне удовлетворена. По крайней мере, она сознательно упивалась тем нервным и темным смятением, которое жило в глубине ее души. Алистер Клоудир умер, когда Пирс был еще младенцем, оставив жену без гроша. Мэри, в свое время бросившей университет ради замужества, было трудно найти работу. Она стала машинисткой. Пирс получил стипендию в школе, где учился его отец. Все устроилось, но Мэри никогда так и не простила судьбу, так жестоко обошедшуюся с Алистером. Дух, вселившийся в нее, был сардоническим, саркастическим, узким. Она научилась жить без надежд и просто катилась по накатанной колее. Кейт, даже не догадываясь о глубокой внутренней боли Мэри, тем не менее наполовину вылечила ее. Кейт, вечно и безрассудно счастливая, заразила и Мэри стремлением к счастью, передав ей заряд своего электричества, пробуждавшего надежду. Демонстративное проявление чувств Кейт подстегнуло и Мэри. Блаженный, дающий счастье жить эгоизм и огромное самодовольство, проявляемые Кейт и ее мужем, пробудили в Мэри определенный гедонизм, пусть и робкий по сравнению с ними, но для Мэри он стал спасительной благодатью. Во всем остальном она ясно отдавала себе отчет в том, что ранит ее, и научилась жить с этим.

Мэри прошла по коридору верхнего этажа, наблюдая за близнецами, устроившимися на лужайке перед домом.

Они занялись придуманной ими особой игрой. У близнецов было немало своих собственных игр, придуманных ими для себя, и хотя Мэри много раз видела эти игры, она никак не могла понять правила, лежащие в их основе. Ей казалось порой, что по сути своей эти игры были математическими. Как будто внутри этих замечательных детей были встроенные компьютеры, и они не подозревали, что у других-то их нет. Большинство игр назывались коротко и неинформативно: «Палки» или «Перья». Сейчас на лужайке, разметив ее бечевкой на прямоугольники и треугольники, они играли в игру под названием «Благородный мышь» — никто не мог понять, почему она так названа.

Дверь в комнату Барбары была открыта, и Мэри увидела через проем своего сына, его профиль — с выражением глубокой погруженности в себя он наклонился над столом, стоявшим под окном, и напряженно рассматривал сквозь очки в роговой оправе нечто лежащее на нем. Пирс — смуглый, с каштановыми волосами и карими глазами — обладал очень длинным и прямым носом, который придавал его пухлому и бледному лицу что-то животное. У многих людей возникало полубессознательное желание похлопать его по лбу и носу, будто пони, даже у его учителей появлялся иногда такой импульс. Взгляд его был серьезный и вдумчивый, и это, в соединении с педантически медленной речью, придавало ему облик интеллектуала. Но, будучи действительно умным, он ленился в школе и был далек от всякой учебы. Подойдя ближе и оставаясь все еще не замеченной, Мэри увидела, что Пирс выложил на столе затейливый рисунок из сотен ракушек, закрученных спиралью: маленькие в центре, покрупнее — снаружи. Заканчивая края орнамента, он время от времени наклонялся, выбирая новую ракушку из груды, лежащей у ног.

Пирс почувствовал, что мать смотрит на него, и медленно повернул к ней лицо. Он почти никогда не делал быстрых движений. Он посмотрел на нее без улыбки, почти мрачно. Он был похож на загнанное в угол, но не испу-

ганное, а опасное и уверенное в себе животное. И Мэри посмотрела на себя как бы со стороны: худая темноволосая женщина, мать, символ прошлого — прошлого ее сына, как будто она была призраком. В эту же минуту на нее накатила волна жадной любви к сыну и ослепляющей жалости, она не могла понять, кого ей жалко — его или себя. В следующий момент, как бы не зная, что сказать, она оглядела уютную комнату Барбары, такую прибранную и пустую, но уже ожидающую хозяйку. Инстинктивно почуяв уязвимость сына, она поняла всю неуместность его ракушечного рисунка, который отражал покой мыслей сына о Барбаре, но никак не соответствовал той сумятице, что вот-вот воцарится, как с некоторым ужасом предчувствовала Мэри, с ее приездом. Тщательная работа с ракушками, показалась ей, так типична для Пирса — такое медленное и самоуглубленное, не требующее рассуждений занятие.

Вдруг раздался крик со стороны лужайки, звук машины, проезжающей по гравию, и восторженный лай Минго. Пирс не сразу двинулся с места. Он встретился глазами со встревоженным взглядом матери, а когда она повернулась, неторопливо пошел за ней по лестничной площадке.

«Мама, это было так здорово, в самолете потрясно кормили и предлагали мне шампанское, нет, Мэри, не трогай мой чемодан, скажи ей, мама, только взгляни на хвост Минго, он вертится как пропеллер, спокойней, Минго, ты делаешь больно Монрозу своими большими лапами, Монроз узнал меня, правда, куда же ушел дядя Тео, я его и разглядеть не успела, Эдвард, не тащи меня за юбку, она совсем новая, Генриетта, я купила тебе в Женеве миленькое платье, Вилли в порядке, надеюсь, я привезла для него чудесный бинокль, я привезла его *контрабандой*, не побоялась, смело, ведь правда, я всем привезла подарки *laisse moi donc, Pierce, que tu m'embêtes*¹, мама, я ездила верхом каждый день и значительно улучшила свой французский, я все время ре-

¹ Отстань от меня, Пирс, не дразни меня (*фр.*).

петировала, я играла на флейте в концерте, и посмотрите, как я загорела, ведь загорела, а для тебя, мама, я купила кружева, для Мэри брошь, для папы часы, Генриетта, поддержи Монроза, осторожней с чемоданом — в нем итальянское стекло, положи его на кровать, если тебе нетрудно, Мэри, о, какое счастье быть наконец дома, если бы папа был здесь, все кажется таким чудесным, я прогуляюсь и повидаюсь с Вилли, зачем эти ракушки на моем столе, просто выброси их, ой, они раскиданы по всему полу, Кейзи, я бы хотела, чтобы ты увела близнецов из моей комнаты, остальные чемоданы можно положить на стол, вот так, спасибо, мама, ты знаешь, я ходила на танцы, это было так здорово, мы все должны были одеться в черное и белое, а потом я летала на вертолете, я так испугалась, это совсем другое дело, чем самолет...»

3

Джон Дьюкейн посмотрел в глаза Джессики Берд. Они медленно наполнились слезами. Дьюкейн отвел взгляд в сторону, вниз. Он не расстался с ней тогда, когда должен был сделать это. Тогда это было бы губительно для него. Он расстается с ней сейчас, когда это уже не только не мучительно, а даже приносит некоторое облегчение. Нужно было расстаться с ней тогда. Но факт оставался фактом, теперь-то он точно должен расстаться с ней. Эта мысль помогла ему стойко перенести ее слезы.

Он огляделся, стараясь не видеть ее заплаканного, страдающего лица. Мысленно он был уже далеко от этой комнаты, странность которой сейчас бросилась ему в глаза, — комната Джессики своей строгостью напоминала каюту. Никаких разбросанных по-домашнему книг или бумаг, говорящих о своем жилище, — чистые суровые цвета и формы ничего общего не имели с человеческим уютом и беспорядком. Если считать мебель предметами, сделанными

специально для того, чтобы человеку было удобно сидеть, лежать, писать, класть на них что-нибудь, то в комнате Джессики вообще не было мебели — только поверхности и плоскости. Даже стул, на котором сейчас сидел Дьюкейн, единственный стул в этой комнате, представлял собой наклонную плоскость, совершенно не считающуюся с изгибами человеческого тела. Даже кровать, лежа в которой они однажды ужасно ссорились, была похожа на гладильную доску. На пластмассовых полках, безличных, как стойки кофейных баров, лежали странные предметы, которые Джессика находила или сама делала, — они не имели ни прикладного значения, ни декоративного. По ночам она обшаривала мусорные баки, отыскивала разный выброшенный хлам, приносила в дом кирпичи, куски черепицы, деревяшки, куски проволоки. Иногда она позволяла этим вещам оставаться самими собой, иногда делала из них другие вещи. По способу, бесконечно совершенствуемому ею в ванной, несмотря на постоянно засоряющиеся трубы, Джессика из размокшей бумажной массы с еле видимыми буквами создавала изящные, легкие как перышко математические объекты, а когда они высыхали, раскрашивала изнутри. Эти непонятные предметы, выстроенные в непостижимом порядке, часто казались Дьюкейну проявлением какой-то высшей идеи, которую он не мог вообразить. Они не предназначались для медитации и в какой-то момент были уничтожены.

Джессика преподавала в начальной школе рисование и английский. Ей было двадцать восемь, а выглядела на восемнадцать. Дьюкейну, с его круглыми голубыми глазами, крючковатым носом и пробивающейся сединой, было сорок три, и выглядел он на сорок три. Они встретились на вечеринке. Они влюбились друг в друга, и это их самих очень удивило. Джессика — бледная, тоненькая, в мини-юбке. Ее длинные рыжие с каштановым оттенком волосы были распущены по плечам, или она собирала их в хвостик, вплетая в него ленточки. Она казалась Дьюкейну абсо-

лютно загадочной и, конечно, была совершенно не в его вкусе. Она казалась ему поразительно талантливой и в то же время поражала полным отсутствием интеллекта — сочетание, не встречавшееся ему ранее. Она принадлежала к *расе* молодых, чуждость которых он чувствовал и не пытался приблизиться к ним. Им было интересно разгадывать друг друга, и некоторое время они были счастливы. Дьюкейн дарил ей книги, которые она и не думала читать, украшения, которые она не носила, и маленькие дорогие *objets d'art*¹, которые среди ее диких безделушек производили отстраненно-сюрреалистическое впечатление. Напрасно пытался он уговорить ее работать с более долговечным материалом. Она находила его вкус безнадежно испорченным, а самого его — очаровательным и бесконечно старым.

Хотя Дьюкейн и не вполне сознавал это, его нервная неопределенная чувственность нуждалась в некоем усложненном интеллектуальном ободрении, в своего рода игре, на которую Джессика была неспособна. Его глубокий пуританизм мешал завести долгий роман. По своему темпераменту он вообще не годился в любовники, он знал это. Его похождения были не частыми и очень короткими. Рассудком он винил себя в том, что удерживает около себя молодую привлекательную девушку, не имея намерения на ней жениться. Дьюкейн стремился к простой жизни, он не терпел тайн и чувства вины. Со временем, когда радость новизны сошла на нет, ее эстетические пристрастия стали казаться ему скорее вздорными, чем очаровательными, и он уже думал о ней не как о редком и экзотическом животном, а как об эксцентричной молодой англичанке, к тому же не такой уж юной, которой скоро суждено превратиться в часто встречающийся тип — эксцентричной англичанки средних лет. Ему стало стыдно, что он не находит в себе силы прекратить этот роман, а лучше было бы и вообще в это не

---

¹ Художественные изделия (*фр.*).

впутываться. И вот тогда, восемнадцать месяцев назад, он решил, что должен расстаться с ней. Но он дал ей растрогать себя слезами и согласился, что хотя они не могут больше быть любовниками, но останутся друзьями и будут встречаться так же часто, как раньше. Ему было легко пойти на это, потому что он еще был слегка влюблен в нее.

Возможно, в его страсти таилось больше хитрости, чем он сам предполагал, потому что, освободившись от чувства вины, он снова нашел ее чарующей, он как будто заново испытал восторг первых взглядов и прикосновений и почти убедил себя, что у него появился ребенок, друг. Но постепенно он с огорчением понял, что она не разделяет этой новоприобретенной свободы. Он не мог дать ей свободу. Она все еще была влюблена в него и вела себя так, будто оставалась его любовницей. Ее жизнь делилась на периоды его присутствия, отсутствия, снова присутствия, на ожидание его, созерцание его, снова ожидания. Она смотрела на него влюбленными глазами, старясь приглушить свою любовь. Инстинктивно боясь снова пробудить в нем чувство вины, она очень осторожно притрагивалась к нему — легкими, невесомыми касаниями, — как бы стараясь забрать часть его сущности, как драгоценное лекарство, чтобы стойко вынести потом пустоту его отсутствия. Весь мир для нее заключался в нем. Он догадался о мучительной интенсивности ее страдания, которое порой она не могла скрыть от его взора. Он стал бояться визитов к ней, чтобы избежать этой роковой муки. Они оба стали пугливыми, раздражительными, постоянно ссорились. Наконец Дьюкейн решил, что остался один выход, пусть и жестокий, — расстаться навсегда. Он осознал это с полной ясностью. Но как только он попытался объяснить ей свое решение, они опять оказались в знакомой запутанной атмосфере жалости и страсти.

— Что я такого сделала?

— Ничего.

— Тогда почему все не может идти по-прежнему, почему ты вдруг заговорил об этом?

— Я все обдумал. Это в корне неверная ситуация.

— Что же тут неверного? Я просто люблю тебя.

— В этом-то и беда.

— В мире так мало любви. Зачем ты хочешь убить мою?

— Не так все просто, Джессика. Я не могу принять твою любовь.

— Не понимаю почему.

— Это нечестно по отношению к тебе. Я не могу связывать тебя.

— Может быть, именно этого я и хочу.

— Дело не в том, чего ты хочешь. Будь мужественной и пойми это.

— Ты думаешь, что действуешь в моих интересах?

— Я уверен в этом.

— Ты устал от меня, так и скажи.

— Джессика, ты знаешь, что я люблю тебя. Но я не хочу, чтобы ты страдала, как страдаешь сейчас.

— Со временем я научусь страдать меньше. Кто сказал, что нужно жить не страдая?

— Это плохо для нас обоих. Я должен взять на себя ответственность...

— Черт с ней, с твоей ответственностью. Тут что-то еще. Ты завел новую любовницу.

— Нет, у меня нет новой любовницы.

— Ты обещал сказать, если она появится.

— Я держу свои обещания. У меня ее нет.

— Тогда почему все не может идти по-старому? Я не требую слишком многого от тебя.

— Вот именно!

— В любом случае, Джон, я не собираюсь расставаться с тобой. Честно... не думай... мне этого не вынести.

— О господи, — сказал Дьюкейн.

— Ты убиваешь меня, — сказала она, — ради чего-то... абстрактного.

Литературно-художественное издание

АЙРИС МЕРДОК
ЛУЧШЕ НЕ БЫВАЕТ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Ксения Казак, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.05.2016. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 20,15. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YAUM1839401R